

Брови Далиана медленно разгладились, и на его лице появилась легкая, едва заметная улыбка. Орвицке очень нравилось видеть его таким - спокойным и уверенным.

- Что вы собираетесь делать дальше? - спросил он.

- Ждать, пока эти идиоты из других участков привезут нам наконец материалы дела, - ответил Далиан.

- Ну, а пока не привезли, давайте вместе готовить! Пора наконец варить долгожданный сахар! - предложил Орвицка.

- Уже можно делать сахар? - послышался возбужденный голос одного из оборотней.

- Сахар! - подхватили другие, их глаза загорелись неподдельным предвкушением. Хоть они и были взрослыми и суровыми воинами, но кто же не любит сладкое?

Тяжелая деревянная крышка бочки была снята, и оттуда сразу пахнуло чистым, свежим и сладким ароматом. Вот только цвет содержимого был немного странноватый - какой-то неприличный, мутно-желтоватый оттенок.

И снова незаменимые фильтровальные мешки сослужили добрую службу. Орвицка тщательно, дважды пропустил всю желтоватую массу через них. В итоге осталась лишь густая, сиропобразная желтая жидкость, которую он осторожно перелил в большую кастрюлю и поставил на плиту увариваться.

Тяга оборотней к сладкому, помноженная на их неумное любопытство, заставила их полностью проигнорировать довольно отталкивающий цвет отфильтрованных остатков. Орвицка на секунду отвернулся, а когда снова посмотрел на них, то увидел, как один из оборотней быстро отдернул палец от влажных остатков в мешке и сунул его себе в рот.

- Ого, сладкое! - изумленно воскликнул он.

- Невероятно! Из обычной картошки можно делать сахар! - поразился другой.

- Действительно очень сладкое... - пробормотал третий, блаженно закатив глаза.

Убедившись, что эта непонятная масса действительно имеет сладкий вкус, они даже принялись отщипывать от нее кусочки и запихивать себе в рот.

- А ну, перестаньте! Всем немедленно положить! Это нужно выбросить! - Орвицка схватил первую попавшуюся под руку лопатку и принялся легонько стучать ею по наглым волчьим лапам. Эти ребята, похоже, сегодня вечером окончательно решили показать свою истинную, дикую натуру. - Потерпите немного, скоро будет настоящий, чистый сахар!

Сказано было "скоро", но на самом деле варить сироп предстояло еще довольно долго. Изначально Орвицка собирался варить его на кухне, но все единогласно решили перенести кастрюлю в гостиную, поставить ее на жарко растопленную угольную печку и варить сахар, коротая время за игрой в карты. По сравнению с прошлым разом, когда они варили жутко вонючий устричный соус, нынешняя варка сахара была просто райским наслаждением. Все сидели вокруг печки, блаженно прищутив глаза, время от времени шумно втягивая носами сладкий аромат, с выражением пьяного счастья на лицах.

"И это оборотни? Больше похожи на медведей! Надо же так любить сладкое".

Сахарный сироп в кастрюле постепенно уваривался, становясь все гуще и темнее. Он превращался из мутноватой желтой жидкости в красивый, прозрачный сироп насыщенного золотистого цвета. Когда Орвицка опускал в него лопатку, а затем поднимал, сироп стекал с нее тонкими, золотистыми хлопьями. На поверхности сиропа медленно всплывали и лопались крупные пузыри. Чистый, без каких-либо посторонних примесей, концентрированный сладкий аромат заставлял всех присутствующих невольно сглатывать слюну.

Включая самого Далиана и даже Орвицку.

В его прошлой, современной жизни постоянно твердили о необходимости есть меньше сахара и соли - потому что их ели слишком много. А сейчас... сейчас он отчаянно хотел сахара! Много-много настоящего, сладкого сахара!

- Все, готово, можно снимать с огня и разливать, - наконец объявил Орвицка. Такой солодовый сахар после полного остывания станет по консистенции очень похож на густой мед.

Горячий солодовый сахар осторожно перелили в заранее подготовленные чистые стеклянные банки. Получилось на удивление много, больше, чем ожидал Орвицка, - около полутора фунтов

(примерно 0,7 кг).

Фунт обычного пчелиного меда в Содмане сейчас стоил от 15 до 20 золотых гербов, а мед, собранный в некоторых особо престижных поместьях, мог стоить и все 50 золотых гербов. Чистый сахар был еще дороже. На самом деле, такая заоблачная цена была установлена не для того, чтобы люди его покупали, а специально, чтобы подавляющее большинство населения просто не могло себе этого позволить. В то время как те немногие, кто владел обширными поместьями и колониальными землями, могли есть сахар и сладости вволю. Таким образом, сахар здесь превратился в своего рода символ статуса, четко разделяющий классы общества.

В кастрюле на дне еще оставалось немного сиропа... ладно, не буду соскребать.

- Я пойду пока приготовлю вам что-нибудь поесть, - сказал Орвица. - А прежде чем я закончу... - он выразительно посмотрел сначала на кастрюлю с остатками сиропа, а потом на выжидающие лица оборотней, - хлеб вам дать?

- А зачем нам хлеб? - с искренним недоумением спросил Ванленса Серто. Его тут же больно ткнули локтем в бок более сообразительные товарищи.

Орвица окончательно убедился - этот парень был действительно простоват.

- Спасибо! Конечно, дайте нам хлеб! - поспешно воскликнул кто-то другой.

Зачем им понадобился хлеб? Ну конечно, чтобы вымакать остатки драгоценного сиропа со дна и стенок кастрюли. Вообще-то, можно было бы просто налить туда немного воды, размешать, и получилась бы отличная сладкая вода. Но это все же была бы, по сути, вода после мытья кастрюли, так что лучше было обойтись без этого.

Орвица отнес две банки с густым золотистым солодовым сахаром на кухню и поставил их остывать. Выйдя из кухни, он принес оборотням несколько кусков свежего хлеба. Далиан уже ждал его на кухне. Орвица вернулся на кухню, взял чистую деревянную ложку, опустил ее в одну из банок и зачерпнул Далиану полную ложку еще теплого, ароматного солодового сахара.

Далиан осторожно принял ложку с сахаром с такой детской и счастливой улыбкой... что Орвице вдруг ужасно захотелось его поцеловать.

"Неужели такой взрослый, сильный и обычно суровый мужчина может так трогательно и мило улыбаться? Ах, он облизывает сахар языком, как ребенок! Такое нелепое и некрасивое движение, а он все равно кажется невероятно милым".

И это была вовсе не слепая влюбленность, когда недостатки кажутся достоинствами. Орвицка был совершенно уверен, что еще не успел по-настоящему влюбиться в Далиана. Но Далиан в этот момент действительно был просто очарователен.

Прежде чем лизнуть сахар, в его глазах светилось чистое любопытство, в момент касания языком сладкой массы - огромное, неподдельное удивление, а когда язык с сахаром вернулся обратно в рот - выражение полного и абсолютного удовлетворения.

Далиан вдруг заметил, что Орвицка пристально смотрит на него. Он поднял голову, и в его глазах явно читался немой вопрос "?".

- Могу я тебя поцеловать? - неожиданно для самого себя спросил Орвицка.

Далиан удивился лишь на одно короткое мгновение, но тут же его лицо озарилось радостной улыбкой, и он охотно кивнул:

- Конечно. В любое время, когда захочешь.

Орвицка подошел к нему вплотную, слегка приподнялся на цыпочки и осторожно коснулся своими губами губ Далиана. Ощувив их мягкое и теплое прикосновение, Орвицка мгновенно почувствовал непреодолимое желание ощутить большее, попробовать их на вкус. Он нерешительно высунул кончик языка... это произошло совершенно инстинктивно, его язык сделал это сам, мозг был совершенно ни при чем.

- Сладко, - прошептал Орвицка, опустившись на пятки, Орвицка посмотрел на Далиана.

Далиан склонил голову набок, лукаво моргнул и спросил:

- Это сахар был сладким или я?

- ... - Твой внушительный рост, вес, твоя аристократическая внешность и властные манеры... задавать такие вопросы не кажется... чрезмерно милым?

- Ты определенно слаще сахара, - без колебаний ответил Орвицка.

Далиан, задавая свой вопрос, ничуть не покраснел. Орвицка, отвечая, тоже сохранил невозмутимость. Но сразу после этого короткого обмена фразами они оба вдруг густо залились краской.

- Кхм! Я... пойду приготовлю что-нибудь, - пробормотал Орвицка, поспешно отворачиваясь.

Через полтора часа Орвицка вынес из кухни три большие тарелки с горкой золотистого, ароматного жареного молока.

- Подождите, не набрасывайтесь сразу! - остановил он рванувшихся было к столу оборотней. - Вы должны попробовать по кусочку из каждой тарелки, а потом сказать мне, какая из них самая вкусная.

Оборотни послушно кивнули и по очереди взяли по одному кусочку жареного молока из каждой из трех тарелок.

- Ну как? - с нетерпением спросил Орвицка.

Пять мощных волчьих лап, включая лапу Далиана, единогласно указали на третью тарелку - ту, в которой было больше всего солодового сахара.

- Эх... - тяжело вздохнул Орвицка. Он, конечно, и сам попробовал все три варианта перед тем, как вынести их. По его собственному ощущению, первая тарелка была самой сбалансированной по сладости, во второй сахара было уже немного многовато, а третья была откровенно приторной. Он наивно полагал, что оборотням больше всего понравится второй вариант, но он явно их недооценивал. Похоже, вкусовые рецепторы этих созданий работали по простому принципу: "если еще можно добавить сахара - значит, нужно добавить до упора". -

Ладно, рецепт окончательно утвержден. Вот это будет "обычный сахар", а это - "много сахара".

"Обычный сахар" - это был второй вариант, а "много сахара" - тот, что единодушно выбрали все оборотни.

"Тук-тук", - раздался решительный стук в дверь. Открыв, они увидели на пороге еще одного оборотня, державшего в руках два больших картонных ящика.

- Господин, Гасия, уже привезли первую часть дел, - доложил он.

Те полицейские участки сработали на удивление быстро. Прошло чуть больше двух часов с момента происшествия, а материалы дел уже начали поступать.

- Томас, подожди секунду, - Орвицка остановил оборотня, принесшего дела, быстро сбегал на кухню и вернулся с большой плетеной корзиной, знакомой всем присутствующим. - Это ваша доля.

Томас Беркален, войдя в комнату, действительно с нескрываемой завистью покосился на аппетитное жареное молоко, стоящее на столе. Но он мог лишь мысленно посетовать на свою неудачу. В конце концов, Анка ведь тоже остался без угощения? В следующий раз, возможно, уже другим придется смотреть с завистью на тех, кто дежурит дома. Но кто бы мог подумать, что господин Мондэйл помнит и о них, оставшихся на дежурстве?

- ...Спасибо вам, господин, - с искренней благодарностью произнес Томас, принимая корзину.

Вернувшись в полицейский участок, Томас поставил корзину на кофейный столик в небольшой зоне отдыха, примыкающей к кабинету начальника:

- Пожалуй, я должен поблагодарить госпожу Элишину.

- ? - недоуменно переспросил кто-то из присутствующих.

- Она мне тогда отказала, и в итоге я оказался рядом с господином. Какая жалость, надо было все-таки попробовать за ним поухаживать. Мы ведь с Гасией довольно похожи по типуажу, - мечтательно протянул Томас.

- Да ладно тебе, ты же стопроцентный натурал, - усмехнулся другой оборотень.

- Болтун! Смотри, как бы Гасия тебе за такие разговоры ноги не переломал~ - предостерег третий.

- А! Боже, какое сладкое жареное молоко! - воскликнул кто-то, открыв корзину.

- Это что, мед? - удивленно спросил другой, пробуя солодовый сахар.

- О, да тут еще и жареные шкварки!

На первом слое в корзине лежало аппетитное жареное молоко, на втором - целая гора хрустящих шкварок и маленькая баночка с густым солодовым сахаром. Орвицка прекрасно помнил свое обещание: когда он в прошлый раз готовил им шкварки, он подумал, что если дать им возможность макать шкварки в сладкий сироп, эти ребята просто сойдут с ума от восторга. И он угадал. Несколько оборотней, дежуривших в участке этой ночью, ели так, словно находились под действием какого-то сильного наркотика.

Если бы не их служебное положение и необходимость соблюдать хоть какие-то приличия, они бы с превеликим удовольствием распахнули окна и огласили ночной город громким волчьим воем.

Однако оборотни, оставшиеся дома, пока не смогли в полной мере насладиться божественным сочетанием шкварок и солодового сахара. Прибыли материалы дела, а от жирной еды можно было легко испачкать важные документы. Так что пока им пришлось довольствоваться жареным молоком и молочным чаем.

Свежеприготовленный молочный чай с добавлением сахара, освежающего лимонного желе и нежного сливочного сыра! Единственным небольшим недостатком было то, что в нем не было льда, и напиток был горячим.

Шесть человек разделили между собой прибывшие папки с делами и принялись их внимательно изучать, попутно делая краткие пометки и выводы.

На Орвицку легла особенно большая ответственность, потому что Далиан передал ему дела самых первых шести жертв. Далиан не стал ничего объяснять, но Орвицка и сам понимал, что в расследовании дел о серийных убийствах чем раньше была совершена жертва, тем больше шансов найти на ее теле или на месте преступления важные улики, ведь сам убийца тоже со временем "эволюционирует", совершенствуя свои методы и становясь осторожнее.

- Кстати, Гасия, - Орвицка поднял голову от бумаг и посмотрел на Далиана. - Скажи, а до того, как "Содман Дейли" опубликовала ту статью, по городу уже ходили какие-нибудь слухи об этом таинственном убийце?

- Точно сказать не могу, - ответил Далиан. - Завтра поспрашиваю у своих осведомителей. А что? Если слухов не было, значит, подражатель - кто-то из своих, из полиции? - Далиан сразу понял, к чему клонит Орвицка.

- Или сам репортер, - добавил Орвицка еще одну возможную версию.

Далиан задумчиво кивнул. Подозрение было вполне обоснованным.

Орвицка снова углубился в изучение дела первой жертвы - Тины Шуль. К делу была приложена ее фотография в полный рост: темные волосы, умные карие глаза, во всем облике сквозила интеллигентность и утонченность.

Она служила домашней учительницей в доме барона Бельтера, обучала его сына и дочь основам грамоты, а также игре на фортепиано и скрипке. Ее отец был известным в городе скрипачом, мать - дочерью состоятельного торговца. У нее также было два старших брата и один младший.

Мисс Шуль была не замужем, и, судя по материалам дела, у нее не было никаких романтических связей с мужчинами, включая самого барона. Орвицка плохо разбирался в нравах местной аристократии, поэтому на всякий случай поставил жирный вопросительный знак напротив имени барона Бельтера.

Каждую субботу после обеда мисс Шуль обычно возвращалась домой к своей семье, а в воскресенье днем отправлялась обратно в поместье Бельтеров. Иногда перед возвращением домой она любила заглянуть в большой универмаг или встретиться на чашку чая со своими немногочисленными подругами. Но в ту роковую последнюю субботу ноября прошлого года,

когда часы пробили уже семь вечера, она так и не появилась дома. При этом ни из дома барона, ни от подруг мисс Шуль не пришло никаких известий через слуг.

Ее обеспокоенные братья немедленно отправились на поиски. В доме барона Бельтера им сообщили, что Тина ушла из поместья еще в половине второго дня. Подруги мисс Шуль ее тоже не видели. Обе семьи мобилизовали всех своих слуг и знакомых для поисков и немедленно заявили о пропаже в полицию.

Поскольку одна из вовлеченных семей принадлежала к аристократии, а господин Шуль, как известный скрипач, часто приглашаемый на приемы и концерты в дома знати, тоже обладал обширными связями, полиция района Утун (где проживала семья Шуль) и престижного Королевского района (где находилось поместье барона) немедленно начала активные поиски пропавшей девушки.

Первые два года своей службы у барона Бельтера мисс Шуль всегда возвращалась домой на личной карете барона. Но последние несколько месяцев, видимо, немного освоившись и почувствовав себя в большей безопасности, она стала пользоваться обычным общественным конным омнибусом, который для нее вызывали слуги барона. Обычно кучер такого наемного омнибуса был хорошо знаком слугам, и мисс Шуль действительно каждый раз ездила домой с одним и тем же пожилым кучером.

Этого кучера нашли лишь на следующее утро мертвым. Его тело замаскировали под обычного пьяницу и бросили в темном углу одной из улиц. Отследить маршрут того злополучного омнибуса было практически невозможно: в городе не было никаких камер наблюдения, все общественные повозки выглядели абсолютно одинаково, а кучера одевались настолько похоже, что никто никогда не обращал на них особого внимания. Найти след конкретной повозки в таких условиях было совершенно нереально.

Еще через шесть долгих дней поисков тело мисс Шуль наконец нашли в глубоком сугробе на окраине города.

Перед смертью ее жестоко изнасиловали и пытали. Согласно официальному заключению судмедэксперта, причиной смерти стало переохлаждение - ее оставили умирать на морозе.

Орвицка впервые держал в руках официальное заключение о вскрытии, составленное в этом мире. В нем были подробно описаны все внешние повреждения на теле жертвы, а также состояние внутренних органов после вскрытия. Документ был составлен настолько подробно и понятно, что даже Орвицка, не будучи специалистом в области судебной медицины, мог легко понять суть изложенного.

На запястьях и лодыжках мисс Шуль имелись явные следы от веревок или ремней, свидетельствующие о длительном связывании. Ей выбили два передних зуба и сломали три ребра. В желудке практически не было остатков пищи, но были обнаружены следы дорогого красного вина и сыра.

Полиция, разумеется, допросила и дворника, нашедшего тело. Но в ночь перед страшной находкой в городе всю ночь шел сильный снег. Эти бедные люди просто физически не могли выйти из своих домов. Поэтому они действительно не знали, когда именно появился этот подозрительный сугроб.

Это определенно было тщательно спланированное преступление, совершенное после длительного наблюдения за жертвой. Убийца, скорее всего, был человеком состоятельным, имевшим в своем распоряжении какое-то уединенное место, где он мог спокойно удерживать и пытаться свою жертву, не опасаясь быть обнаруженным.

Орвицка аккуратно записал все эти выводы в свой блокнот. Закончив последнее слово, его ручка на мгновение замерла над бумагой.

"Неужели мисс Шуль совсем ничего не заподозрила, когда кучер повез ее совершенно не тем путем? И почему в деле нигде не указано, был ли это тот самый постоянный кучер, или в тот день слуги просто не запомнили, кто именно ее забрал? Если кучер был сообщником убийцы, то даже после его смерти на его теле или в его вещах можно было бы найти какие-то улики, связывающие его с преступником".

Он добавил и эти свои соображения к записям в блокноте.

Вторая жертва - Бальдона Шелвер. Ее тело нашли через полторы недели после обнаружения останков мисс Шуль. Все еще стояла суровая зима. На этот раз тело нашли не в сугробе, а просто брошенным обнаженным на углу одной из улиц. Двое пьяниц случайно наткнулись на нее и даже успели надругаться над бездыханным телом, прежде чем их застал проходивший мимо патрульный, который и обнаружил это ужасное преступление.

Бальдона была внебрачной дочерью богатого торговца. Благодаря протекции отца она работала продавщицей в престижном ювелирном магазине братьев Боде. У нее были роскошные золотистые вьющиеся волосы и яркие зеленые глаза. На фотографии, приложенной к делу, она улыбалась открыто, ярко и очень лучезарно.

Ювелирный магазин братьев Боде - это был старинный и очень уважаемый бренд с более чем двухсотлетней историей. Сам магазин располагался в богатом районе Утун. Бальдона была совершенно другого типажа, чем Тина Шуль, однако их места обитания и работы частично совпадали: ювелирный магазин Боде находился всего в двух кварталах от дома семьи Шуль.

Однажды она просто не пришла на работу. Обеспокоенный управляющий магазином отправился к ней домой, но и там ее не оказалось. Тогда он заявил о ее пропаже в полицию.

Ее тело было изуродовано еще страшнее, чем у первой жертвы: подбородок был практически раздроблен, один глаз выколот каким-то острым предметом. Судмедэксперт в своем заключении так и не смог с уверенностью определить точную причину смерти - от массивной кровопотери или просто от невыносимой боли.

И еще одна деталь: лента на ее шее была затянута с такой силой, что глубоко врезалась в плоть.

Убийца явно проявил крайнюю, необузданную ярость. Он был в гневе. Но почему?

Третья жертва - Лина Бартли. Незамужняя, дочь торговца. Золотисто-каштановые волосы, серые глаза, милая и очаровательная на вид. Она работала учительницей в воскресной школе при местной церкви, по сути, была волонтером.

Она исчезла по дороге из церкви домой. Ее тело нашли через семь дней прямо у входа в ту же церковь. Оно было аккуратно прикрыто чистой простыней, руки сложены на груди, а на белой атласной ленте на шее красовался маленький шелковый цветочек. Причиной смерти стала передозировка наркотика, известного как "Розовый ангел".

Можно ли было это трактовать как некое запоздалое раскаяние убийцы в смерти Лины? Или это была лишь очередная жестокая игра?

Четвертая жертва - Анлия Горлон. Это была первая замужняя женщина в списке жертв. У нее были красивые глаза цвета крепкого чая и длинные каштановые волосы. Однажды вечером она ушла из дома на какую-то встречу и не вернулась. Через три дня ее тело нашли в темном переулке на той же улице, где она жила.

Пятая жертва - Байлянна Порте. Девушка совсем недавно обручилась. Она работала кассиром в банке Пустер. Пропала без вести после окончания рабочего дня. Всего через два дня ее тело случайно обнаружил ночной сторож. Оно было подвешено за одну ногу к высокому фонарному столбу - учитывая, что на ней из одежды была только тонкая лента на шее, такая поза была верхом циничного унижения.

Шестая жертва - Шанерт Нито. Незамужняя. Она была музыкальным педагогом и давала уроки на дому вместе со своими родителями. Пропала по дороге в церковь. Через семь дней ее тело нашли в заброшенном переулке на окраине города.

Орвицка снова взял в руки папку с делом Анлии Горлон и отложил ее отдельно. Тем временем остальные тоже закончили изучать свои части дел. Далиан предложил:

- Если мы сейчас начнем обмениваться папками, это займет слишком много времени. Давайте лучше просто по порядку расскажем о своих делах и выводах?

В воображении Орвицки тут же возникла яркая сцена из какого-то детективного сериала: группа серьезных полицейских сидит в комнате для совещаний перед большой черной доской, на которой прикреплены фотографии жертв и основные улики по делу. Вот только настоящей доски у них сейчас не было.

- Орвицка, может, ты начнешь? - предложил Далиан.

- ... - Красочный пузырь воображения тут же лопнул. Как он мог забыть, что ему достались самые первые дела, а значит, начинать придется именно ему?

Орвицка медленно встал. Рука, державшая папку с делом, немного дрожала от волнения. Хотя он уже довольно хорошо знал всех присутствующих оборотней, такая официальная обстановка, похожая на рабочий отчет перед начальством, все равно заставляла его сильно нервничать.

- Кхм! - кашлянув пару раз, чтобы прочистить горло, и сделав глубокий вдох, Орвицка открыл папку с делом и свой блокнот с записями.

Поскольку он действительно очень серьезно и вдумчиво изучал материалы дела, выделил все подозрительные моменты и четко систематизировал имеющиеся улики, сначала он говорил немного запинаясь и неуверенно, но довольно быстро освоился и заговорил более гладко и

уверенно.

В самом конце своего доклада Орвицка взял отдельно отложенную папку с делом Анлии Горлон и положил ее на стол перед остальными:

- Судя по обстоятельствам смерти остальных пяти жертв, основной целью Убийцы с лентой являются молодые, незамужние женщины, имеющие приличную работу и безупречную репутацию в обществе. Анлия Горлон была замужем. Хотя ее условно можно назвать деловой женщиной, но все свое состояние она унаследовала от отца, что не совсем соответствует общей характеристике работающей женщины. У меня есть серьезные основания подозревать, что ее убил подражатель.

В материалах дела ничего не было сказано о репутации этой самой Анлии Горлон, упоминалось лишь то, что она поздно вечером ушла из дома одна, чтобы посетить некую частную вечеринку. Сам Орвицка не считал это чем-то предосудительным - в конце концов, он сам довольно часто проводил ночи напролет в "разгуле" в компании целой группы оборотней.

Но эта дама действительно сильно выбивалась из общего ряда жертв. Орвицка сам ясно видел эту разницу, и он был уверен, что опытные полицейские из других участков тоже должны были это заметить. Тем не менее, ее смерть все равно по какой-то причине отнесли к делу Убийцы с лентой. Возможно, просто... так было удобнее для отчетности?

По делу госпожи Горлон у Орвицки даже был вполне конкретный подозреваемый - ее собственный муж, господин Горлон. Уж слишком все обстоятельства этого дела напоминали классическое убийство супругом ради получения наследства". Это всегда муж.

Но он никогда в жизни не видел этого господина Горлона, ровным счетом ничего не знал об их семейной ситуации и отношениях. Полагаться исключительно на собственные домыслы и догадки... при существующей в этом мире несовершенной правовой системе это могло привести к трагической ошибке и гибели совершенно невинного человека.

Поэтому это свое подозрение он лишь аккуратно отметил вопросительным знаком рядом с именем господина Горлона в своих записях.

- Твои блестящие аналитические выводы по тому делу в порту произвели на меня тогда очень сильное впечатление, - задумчиво произнес Далиан, когда Орвицка закончил. - Признаться, я никогда раньше не видел, чтобы другие полицейские подходили к расследованию дел именно

так.

Орвицка, не подумав, автоматически спросил:

- А как они обычно раскрывают дела?

На лицах всех присутствующих оборотней одновременно появилось весьма странное и многозначительное выражение.

- Да очень просто: хватают первого попавшегося, кто больше всего похож на преступника, и дело с концом! - с нескрываемым сарказмом пронзительно выкрикнул Ивир.

Орвицка невольно вспомнил, как его самого совсем недавно пытались обвинить в убийстве шерифа в Березовом городе. Тогда он, видимо, тоже был тем самым "похожим на преступника"?

- Ну, не всегда все так просто, - вступился Далиан за своих коллег-полицейских, стараясь быть объективным. - Они тоже проводят опросы возможных свидетелей поблизости, ищут вещественные доказательства, пытаются найти очевидцев, составляют список подозреваемых.

Тут Орвицка вспомнил дело того несчастного кожевника Адама Песо, которого ложно обвинили в убийстве. Был "свидетель" - местный бездельник и пропойца Ванс Дот. Было и "вещественное доказательство" - орудие убийства, сломанный фруктовый нож, который "случайно" нашел тот же Ванс Дот. И бедного кожевника чуть было не осудили по этому полностью сфабрикованному делу.

Причины такой плачевной ситуации в работе полиции отчасти крылись в банальной коррупции и злом умысле отдельных недобросовестных сотрудников. Но отчасти и в том, что многие полицейские, особенно низшие чины, просто совершенно не знали, как правильно вести расследование и каковы вообще их обязанности. Включая, кстати, и прежнего Орвицку, и его самого в нынешнем теле. Один был всего лишь восемнадцатилетним неопытным старшеклассником, другой - старым ленивцем, пролежавшим на диване больше десяти лет своей прошлой жизни. Они оба понятия не имели, что на самом деле означает быть полицейским.

Нынешнему Орвицке было немного легче, у него хотя бы были многочисленные детективные

сериалы из прошлой жизни в качестве своеобразного "учебного пособия"...

- Можешь дать нам посмотреть твои записи? - попросил Далиан. - Боюсь, нам всем теперь придется серьезно переделать свои первоначальные выводы.

Орвицка, конечно, не отказался, но предусмотрительно вытащил из своего блокнота одну страницу - ту самую, где были записаны имена господина Горлона и других потенциальных подозреваемых. Он не хотел своими догадками навязывать Далиану и остальным неверное направление расследования.

Примерно через сорок пять минут, когда все ознакомились с его записями и внесли коррективы в свои собственные, Далиан начал излагать свои выводы по следующей группе дел.

Он разобрал дела с седьмой по двенадцатую жертву. И в этих шести случаях несоответствий и странностей было еще больше. Одна из жертв - манекенщица из крупного универмага - пропала без вести после ухода из дома некоего богатого клиента в Королевском районе. Всего через полдня ее тело нашли на обочине оживленной Норд-Ай-авеню в районе Ракушек.

На Голубой планете, его родном мире, современные манекенщицы обычно участвовали в модных показах и презентациях новых коллекций, демонстрируя одежду и аксессуары на подиуме. Здешние же манекенщицы для примерки, хоть и тоже были, по сути, "живыми вешалками для одежды", работали совершенно иначе. Клиент сначала просматривал модные каталоги, и если ему нравился какой-то конкретный наряд, манекенщица надевала его и лично демонстрировала, как он сидит на фигуре.

Современные манекенщицы носят то, что решает для них дизайнер. Здешние же манекенщицы для примерки были полностью во власти клиента и носили то, что он приказывал. Особенно при работе с очень важными и богатыми клиентами манекенщице часто приходилось вместе с дизайнером или владельцем ателье отправляться прямо домой к клиенту. И нередко их там просили остаться на ночь, что не считалось чем-то из ряда вон выходящим.

Среди этих шести жертв была и пара родных сестер: старшей было всего шестнадцать лет, младшей - едва исполнилось двенадцать. Старшая сестра помогала родителям в их собственном небольшом магазине, торгующем изделиями из серебра, младшая еще не работала. Вся семья отправилась вечером в театр на представление. Во время антракта сестры вместе пошли в дамскую комнату и бесследно исчезли. Через четыре дня их обезображенные тела нашли на Лизерд-авеню в аристократическом районе Утун.

<http://bllate.org/book/17916/1715808>